

Адвокат своих демонов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Калинин Алексей

18+

Алексей Райман

Адвокат своих демонов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70283071

SelfPub; 2024

Аннотация

Проза о порочном адвокате-решале в современной России . Герой борется с собой, со своими демонами, с трудом принимает мир, трезвым на себя и на него смотреть не может, красками его жизнь наполняют : алкоголь, наркотики, эскортницы и в тоже время эти самые краски его и разрушают. Из-за мобилизации оказывается на острове Бали с людьми гораздо младше него и с иными взглядами на заработок денег, дружбу, женщин и пороки...

Алексей Райман

Адвокат своих демонов

Три вещи в жизни я умел делать превосходно: первое – зарабатывать, а точнее, генерировать крутые идеи; второе – дружить; третье – эффектно с размахом гусара убивать себя.

Начнем с того, что я анонимный наркоман, да-да, тот самый торчок, который сидит в кругу таких же душевнобольных, но трезвых в обшарпанных помещениях и пьет паке-тированный принцессу нурри, и трещит о том, как он любит колоться коксом. Но увы, не сегодня. К слову «анонимный» меня присоединяет то, что я регулярно ходил туда, но вот трезвым надолго я оставался пару раз за все 16 лет причастности к этому «паралимпийскому клубу». Плюсом к этому, я еще и действующий адвокат-решала, что это значит – думаю, не стоит объяснять, каким способом я зарабатывал свои кровные и в каких кругах разных систем вращался, чтобы позволить себе ездить на последней БМВ 5-ой серии и ходить в бриони.

Начало конца

2 января 2021 года. Только что встретил трезвый Новый год и в 7 утра сажусь на поезд до Москвы, чтобы культур-

но и экскурсионно провести пару дней в столице с 20-летней гимнасткой с фигурой богини, третьим размером груди – соски стоят, ноги от ушей и попа как в порно, и бонусом – детское лицо с курносеньким носиком вида лет на 16, а мне на тот момент только стукнуло 36. Мужики поймут: у меня «флеш рояль».

Встречаю её в фойе вокзала, чтобы отправиться, и буду честен: я романтичная натура и позволяю себе жить в фантазиях. То есть знакомы мы с ней пару недель, и секс был один раз, да и тот нелепый, но в моей голове искренность к этой юной особе и красочные галлюцинации будущего: помимо страстного секса, который нас ждет, мы еще и будем парой, которая прекрасно смотрится. И в моей голове все нам аплодируют.

Её провожал отец, дабы увидеть, кому же в лапы он отдаёт едва сексуально сформировавшееся чадо.

– Я позабочусь об Ангелине! – Крепко сжимаю ему руку и смотрю прямо в глаза. И в этот момент сам верю в это.

– Хмм... Хорошо, – сухо заявляет мне рабочий честный человек, с откровенной тревогой во взгляде, но не имеющий возможности донести недоверие до своей бунтующей таким поступком дочери.

– Не переживайте! – заявил я в тщетной попытке убедить его и себя, что я не «волк».

В вагоне у нас СВ – отдельное купе с душем и так далее. В попытке подремать по дороге, в 4 часа я пару раз неуклюже прибивался к ней на узкой и неудобной койке, но взгляд отца в памяти взял верх над похотью, и «Красная Шапочка» была не тронута.

И вот мы регистрируемся в «Рэдиссон». Я взял номер люкс – хотел впечатлить, да и сам получить удовольствие от пребывания в столице, ведь нас ждала культурная программа: катание на коньках, посещение Красной площади, ГУ-Ма и всей этой ерунды для обывателей, для которых наличие машины, квартиры и возможности выпить по пятницам в ресторане «Магадан» под вопли провинциального диджея музыки чартов Европы плюс ФМ – это верх мечтаний.

– Я в душ! – щебечет она.

– Ок! – говорю я и закидываюсь виагрой. – Я скоро присоединюсь!

Сказать, что я сильно вождедел её? Нет, наверное, сказался недосып из-за сбитого режима сна, Нового года, дороги и, бляеть, ее отца, живущего в моей голове, но как будто в соседнем номере. По всем признакам этого требовала обстановка, и я зашел в душ к ней, не особо желая этого, и она не очень хотела. И вот мы, мало знакомые и, что важно для меня, трезвые люди с кучей каши, страхов и комплексов (это я про себя), неловко трогаем друг друга. Виагра еще не действует, а мужской наплыв силы внизу сдерживают фобии и

черт знает что еще. Я начинаю склонять её к жёсткому оральному сексу.

– Я делаю это только в продолжительных отношениях!

– Не понял?! – переспрашиваю, в надежде, что это она так, с дуру, ляпнула.

– Я делаю это только в отношениях!

И тут подействовала виагра, но плюсом к жёсткому стоячку ещё и какая-то решительная агрессия с желанием вообще все это на хрен прекратить. Я прям прозрел: это же, блядь, романтичная притертость с поездкой и прогулками, её батя с ответственностью, коньками – самоизнасилование и добровольное рабство в своих же иллюзиях.

– Пошла на хрен отсюда! Вот отдельный номер в гостинице, деньги и чемодан свой прихвати! – на выдохе сказал я и почувствовал странное ощущение лёгкости, свободы и вседозволенности с опьяняющим возбуждением.

В это время в Мск уже прилетел мой школьный друг Марк и заселялся в этом же отеле, как будто зная, что надолго во мне режима «семьянин» не хватит.

Марк был очень редкий, но востребованный вид во всех слоях общества. В тюрьме, отбывая свой 5-летний срок по 163 статье (вымогательство), он отвечал за внутреннюю почту, искренне любил свою жену и детей, но ценил и уважал эскортниц. Был директором строительной конторы с хорошим оборотом, с отсутствием комплексов и страха как тако-

вого, и ебальник мог вскрыть кому угодно, так как в 16 лет был чемпионом России по джиу-джитсу. Короче, этот тип был крут и близок моему сердцу.

– У меня налички с собой 200 тысяч и на карте ещё имеется. Сколько у тебя? – уверенно произносит Марк, сидя рядом со мной на заднем сиденье такси.

– Плюс-минус столько же.

– Норм, должно хватить. Стол за нами, депозит 80 тысяч. Виталик говорит, что сейчас это самый топовый бар-клуб, и что с ним фейс-контроль мы минуем без проблем. – закончил Марк.

– Гуд! – А внутри мандраж, как перед первым сексом, ведь я пять лет не пил и остался трезвым. «Но за 5 лет я здорово преуспел в работе, в фирменных делах. Ты можешь позволить себе чуток вискаря», – уговариваю я себя и хочу, чтобы тревога отступила. Такие же ощущения я испытывал, когда крал в 8 лет у бабушки из кошелька на шоколадку: «Вроде бы нахрен не надо, но так необходимо». И страх отступает, и я понимаю, что сегодня оторвусь...

Около клуба стоят машины классом не ниже Бентли, такого количества в одном месте люксовых авто я не видел. Заходим в клуб вместе с Виталиком – я до сих пор не знаю, существует ли он, в том плане он как тень, а вот его товарищ Коля в классическом костюме тройке мне запомнился.

– Жждааарооффф, папацааацы, не с-с-с-т-т-о-о-й-й-те

ууу пррроохоода! – У Коли были проблемы с дикцией из-за регулярного и бесконтрольного употребления кокаина, и у него его было всегда в достатке, о чём я узнал в тот же вечер.

– За тебя, братан! – Марк поднимает стакан джемисона.

– За тебя! – Поднимаю и опрокидываю залпом, и сразу наливаю ещё, чтобы миновать стадию чувства вины, сразу опрокидываю второй.

Не успеваю забыть послевкусие солода, как у моего носа рука Николая с колпаком «парламента» с горкой «депутата» – так называли качественный кокс. И вот ОНО, блядь – момент истины! Как будто судьба вела меня к этому мгновению всю жизнь, она готовила меня к восхождению на трон. Как будто я прозрел и стал счастлив, я могу получить всё, что хочу, я могу хоть сальто, блядь, крутануть, хотя спорт в моей жизни ограничивался пинг-понгом в рехабе. Но всё это неважно, блядь: я – директор мира! Я-я! Я-я! Я – крысиный король, мать его!

Клуб реально был хорош: диджеи, классная музыка, красивые люди и концентрация плотности безумно роскошных женщин – на одного мужчину, как в районной поликлинике пациентов на участкового врача.

Я никогда не был обделен женским вниманием и, в свою очередь, отвечал тем же, но что пробьет час, когда меня будут клеить, а не я – к такому меня мама не готовила. Даже когда красотка втихаря позвала меня в туалет, желание по-

делиться этим было сильнее природных позывов. Да они как будто растворились на фоне взлетевшей гордыни с эйфорией от такой моей востребованности у противоположного пола. В эту ночь плотских утех не было, а вот в нос мой залетал «колпачок за колпачком».

– Сколько времени? – спрашиваю Марка, с ужасом не понимая, где я очнулся, как я, что я, зачем я... Оглядываюсь по сторонам: девушки, мерседес, нас пять человек в машине, Марк на переднем сиденье, кто-то гладит меня по волосам, и вдруг и я издал мучительный стон:

– Стооп!

Авто тормозит, открываю дверь, меня рвёт, но это меня не пугает. Меня пронзает ужас того, что карета превращается в тыкву – я трезвею.

– Восемь утра, бро, бляаа! – Марк дико ржёт, наблюдая, как я свисаю из задней двери S-класса рожей в грязный снег, припарковавшегося к обочине. Девушки тоже смеются.

– Блядь, сукааа...! – Ору я от ужаса вины и неизвестности будущего. Как будто все трезвые годы пролетели перед глазами, и как будто я повис над пропастью на канатной лестнице.

– Живой? Можем ехать? – Буркнул сухо водитель.

– Естессно, шеф! Бляаа! – Но я уже ржал со всеми: то ли от ужаса, то ли от истерии безумия. Хотя это уже не имело

значения.

– Нуу, стартуй, родной! – С пионерским задором Марк приказал водителю. И мы тронулись. Девушки размывались в глазах, половину того, что они, типа, шутили, я не слышал да и не хотел слышать. По вискам что-то било, рвотные массы были начеку и в любой момент могли выйти, сильный озноб, что аж трясёт, и невозможно руку ровно держать, но я улыбаюсь во всю свою морду.

Заходим в отель, нас четверо: Марк, я и две девицы без имён – не помню, как они выглядели.

– Погнали сейчас в джакузи в моём номере, вискарь и «травка» имеется! – Величественно вещает Марк, держа под руки дам. В глазах портье, оценивающего нас, читается зависть с ненавистью, и это логично: 8:30 утра, 3 января, а он в галстукe, не спал и работал в праздники, так ещё вынужден быть вежливым с зоопарком.

– Нее, друган! – С улыбкой и любовью говорю я. – Я здравомыслящий человек, надо отдохнуть! Вызовите мне платную скорую – прокапаться, – небрежно бросаю метрдотелю. Я даже не думал об этом, само вырвалось, но я не стал выяснять, как эта мысль родилась, а доверился инстинкту самосохранения. Я же не торчок, я же могу контролировать и гулять культурно.

Тук-тук-тук – стук в дверь номера:

– Можно войти? Алексей Анатольевич? – Очень услуж-

ливо спрашивает фельдшер с медсестрой в дверях.

– Угу.

– Как вы себя чувствуете, голубчик? Что пили? Что употребляли? – С материнской заботой интересуется мужчина в бело-синей униформе лет 55-60 крупного телосложения.

– Всё: виски, кокаин...

– Я понял, – перебил меня этот добряк. – Дайте мне руку, которая вам удобнее. – Такой вежливости и обходительности я не встречал ни в одной районной больнице, даже когда был семилетним розовощеким ребёнком, экстренно доставленным с высокой температурой! – Я сейчас сделаю вам укольчик и поставлю капельницу, а на столе оставлю синенькие таблеточки. Как проснетесь, выпейте их, вы всё поняли?

– Да. – Почти со слезами счастья на глазах произнес я.

– Ну и прекрасно! С вас 10 тысяч.

Открываю глаза: темно, стены с подсветкой, Москва горит за видовым окном, память начинает фрагментами накидывать: где я, что я тут делаю... Пазлы сходятся, и от этого тревога начинает комом к горлу подступать, наворачиваются слёзы саможалости, как будто я всё потерял и настал полный пиздец всему. А что всё и чему всему – на этом моменте мысли путаются, и логика заканчивается.

Оо, синенькие таблеточки! – Заметил их на столе и одним прыжком с кровати до стола схватил их. Не медля закинулся, они даже еще в желудок не упали, но надежда, что тревога сейчас отпустит, уже заставила меня улыбаться.

– Алё, бля! Алё, Марк, алё, где ты? Алё...

– Туфта я, туфта я! Яфык прфкуфил! (Тут я, тут я! Язык прикусил!).

– Хаха, ору, бро! У нас поезд скоро, в лобби жду тебя.

Стриж Мск – НН. Едем в СВ, молчим, пытаемся поесть.

– Лёх, какие планы на праздники?

– ХЗ, на коньках хочу покататься с какой-нибудь барышней. Я ж планировал романтизм, ну хоть на 300 квадратных метрах в Парке 1 Мая среди дубов покружу. А у тебя?

– С семьей.

– Смекнул.

Дальше все четыре часа мы молчали. На вокзале обнялись и поехали в разных такси по домам.

Розовое послевкусие

Январские праздники закончились. Началась рутина, холода. Я заболел жестко ковидом, лежу дома, состояние палтуса – дошел до холодильника, устал, поел – устал, лёг. Несколько приятных юных дев в СМС сообщают о своем желании проявить заботу, но яндекс-еда и Бристоль у подъезда неплохо обо мне пекутся. Но периодически стараюсь прислушиваться к себе – нет ли желания женского пола с собой ощутить. Увы, даже по утрам я не чувствую намека на похоть. И так почти весь январь.

– Привеет! Наконец-то! Ты где? – Детский голос Жанны дрожал от радости, что, спустя пару недель затишья, я наконец-то взял трубку.

– Дома, болею.

– Я тут рядом, забегу?

– Эмм... – Не успел я ничего ответить, как она уже повесила трубку. Я было хотел написать ей, что не надо, но решил подать сигналы вниз живота картинками из памяти наших с ней встреч и передумал.

Жанна на вид – девственное создание, 19 лет от роду, с горящими от всего нового, а если ещё запретного – глазами! Любой намёк на аморальность, грех, пошлость заставляли её искренне испытывать счастье и соглашаться на все эксперименты: «Да! Хочу! Буду!» – отвечала она на все мои предложения с непорочной радостью, глядя на меня своим детским чистым личиком. Чем я, безусловно, пользовался, не испытывая стыда. А отчасти понимал, что пользуются мной, но и это не грызло моё эго. Причиной её безбашенности и безнравственности был отец – жестокий тиран, готовивший ее к браку с кандидатурой по своему усмотрению. Отчего и заперил ее дома, заставлял учиться, готовить манты и так далее. И раз в 3 месяца возил к гинекологу проверять её девственность. Но и это не было проблемой, ведь секс бывает не только классический – бедная девочка и обаятельный гад – я. Естественно, при любом удобном случае она сбегала...

После этого мы виделись еще несколько раз. Жанна мне даже подарила на 23 февраля охапку надувных шариков в виде красных сердец, наполненных гелием, с человеческий рост. В последствии они простояли до июня, чем бесили гостей женского пола, а друзей удивляли размахом и, возможно, вызывали зависть, что меня радовало.

К концу февраля я уже окреп после ковида и работал на полном ходу. Особенности моей работы были разделены по определённому принципу: вечером, после заката, я встречался с «нечистью» – так я их ласково называл. И вообще испытывал определённую степень трепета к своим клиентам по двум причинам:

Первая – они платили мне деньги;

Вторая – мне нравилось наблюдать, как они переставали играть роль честного гражданина, попавшего под колёса правоохранительной машины по вине череды нелепых обстоятельств, до момента, когда я доносил до них, что я второй после мамы, кто безусловно им верит и на их стороне, ну пока, конечно, будет актуальна первая причина.

А рано утром и до обеда – как правило – с теми, кто может эти самые колеса развернуть. Мнение о большинстве из этой касты я, пожалуй, оставлю при себе, но уверен в одном: львиная доля этого «утренника» очень сильно сожалеет об отмене крепостного права. Но отчасти мне это было на руку,

так как при всех таких слагаемых мой труд заключался не в остроте ума и его применении, ни в составлении кипы документов и штудировании кодексов, а лишь в том, чтобы в нужный момент засунуть свою гордость подальше и побыть скоморохом, которому можно доверять и который может из мира развлечений что-то человеку достать, дабы боярам было весело.

И вот весна уже за поворотом, а значит, на 8 марта будут длинные выходные. И пускай рабочих дней ещё немало, всё плохое, что было в столице двумя месяцами ранее, вдруг либо стирается из памяти, либо кажется забавным приключением и вспоминается с улыбкой.

4 марта 2021 года я неожиданно вхожу в большое уголовное дело третьим адвокатом уже на стадии суда. Естественно, беру небольшую предоплату, в ожидании прогреть клиента завтрашним выступлением в суде. Пусть одной фразой, но эффектно! В нашем деле «брызги в глаза» нужной напыщенностью помогают на следующих свиданиях уже с уверенностью брать кусок пожирнее из семейного бюджета доверителя.

Вечером встречаюсь с Марком покурить кальян, да и просто потрещать. Я только позже понял, что мы друг для друга были как катализаторы для бурной реакции, но в тот вечер

мы встретились без мысли строить планы на выходные – всё случилось само собой.

– Хаха, даа, брат, ну ты выдал, конечно, когда бордюр чуть не поцеловал! Слава богу, водила заметил, что дверь открылась, и ты вытекаешь, и остановился!

– Хаа, и смех, и грех, Марк. Так ты, благодаря моей слабой усваиваемости заливного и оливье... Хаха...

– Ахахахаха

– ...забрал двух бабочек один, а я... а я... фельдшера!
(Истерический смех)

– Ууух, ха, – Марк уже не мог смеяться и пытался успокоиться.

– Мдааа, было круто... Что по праздникам? С семьей?

– Пока не решил, – ехидно бросил Марк, чуток искоса глядя на меня и улыбаясь – видно было лишь пару зубов.

– Завтра пятница, и в Саке, типа закрытая, вечеринка! – Саке – кафе, принадлежащее общему другу.

Олег – более сердобольных людей я не встречал. Он как Боб Марли: за мир во всём мире и любовь ко всем. Ну, и травку с хорошим техно он тоже чувствовал. Очень модно одевался, имел свой неповторимый стиль. Одежда, которую он носил, на любом другом смотрелась бы попугайски, а Олега украшала и вызывала восхищение его вкусом – вопросов было больше, чем ответов. Ещё он не имел телевизора и какой-либо фильм или сериал смотрел лет 20 назад. Не уважал

соцсети, а на все проблемы материального плана, о которых я мог поведать, безапелляционно и с улыбкой говорил: «Этого не существует, и всё это гон и тлен». И периодически ему удавалось убедить меня в этом одной фразой. Питание соответствовало образу: яблоки, овощи, авокадо, но после «пи-петки бошек», имеющихся у него всегда в склянке из-под орешков, уминать 5-7 вафельных трубочек «канноли». Олег мне очень нравился.

– А кто играет? Кто будет? До сколько...? – И ещё много вопросов сыпались мне, но мы уже оба понимали, что независимо от моих ответов – мы там будем.

– Марк, бро, а давай Виталик с Колей нам помогут?

И они не отказались, но мы-то в НН, а они в Мск – стояла дилемма, как нам всё забрать?

– Ооо!!! Бля! – Вскрикнул Марк. – Есть же Артёмка!

– Гуд, звони!

– Алло, алло, Тём, там Виталик тебе кое-что передаст. Билеты на поезд туда и обратно у тебя на почте, словитесь на вокзале через час, – Марк набрал своему прорабу, но на самом деле он был безвольный «паспорту», выполняющий все капризы нанимателя, кроме своих прямых обязанностей.

Через 6 часов «депутат» лежал в тайном бардачке BMW X7 – выбор такого авто Марк объяснил большой семьёй.

5 марта 2021 года.

– Адвокат Райман, есть ли у вас ходатайства, возражения,

жалобы? – громко спросила судья в микрофон, так что её голос прозвучал на весь огромный, полностью заполненный людьми зал. Прокурор напротив даже проснулся.

– Нет, Ваша честь, я поддерживаю позицию своего доверителя, – отрапортовал я.

И так около трех часов – формальный опрос свидетелей, зачитывание показаний и тому подобное.

К обеду я уже был свободен и мучился выбором одежды на вечер, находясь в эйфорическом возбуждении, как в детстве за пару часов до боя курантов. Мама предлагала мне поспать, но какой тут сон – сидеть спокойно было невозможно.

Я вызвал такси от дома до гостиницы, где Марк снял номер с Юлей. Как и все любовницы моих друзей, она заискивала передо мной, но тихо ненавидела и при любой возможности небрежно пыталась опорочить, наивно полагая, что я стою на пути её безмятежного и счастливого будущего с Марком. Откуда в их головах берутся такие логические цепочки – наверное потому, что я единственный, кому Марк доверял обе стороны своей жизни. Банальная ревность.

Войдя в номер, я увидел стандартную картину: разбросанная одежда, полуразобранная сумка с футболками и кучей обуви. Мой друг тоже заморочился с гардеробом, надеюсь, уже сделал выбор.

– Лёха, я в душе! – крик приглушался шумом льющейся

воды из-за неплотно закрытой двери в ванную.

– Окей! Привет, Юль, – внешний вид Юли в халате меня не смутил, а лишь обозначил, что время повторения московского веселья отодвигается из-за их сборов. С этим я мириться не собирался.

– Приветик, Лёша! Как ты? – мило прошипела она.

– Жив, здоров, руки-ноги есть – и на том спасибо! А ты?

– Хи-хи! Ну, ты рассмешил! Я хорошо, вот была... Она начала о чём-то рассказывать, но я уже не слушал, переливая в стакан содержимое маленьких бутылочек из мини-бара.

– Ага, – с внимательным взглядом на неё я махом осушил посудину.

Напряжение сошло, и я был готов поддержать циничный бред, который вещала брюнетка. А после второго стакана с удовольствием включился в него.

Марк уже вышел из душа и начал выбирать рубашку, параллельно общаясь со мной шутками-прибаутками. Их смысл был глуп и неважен, но я искренне улыбался и находил это остроумным, наблюдая, как Юля, строившая из себя пять минут назад непорочное создание, орудует кредиткой по стеклянному столу с точностью и скоростью профессионала, готовя кокаин к назальному употреблению. Глядя на неё в деле, я даже на мгновение её зауважал – ведь она чертила «северный поток», как я называл мощные дороги «депутата».

Из отеля мы вышли втроем. Я бы даже сказал, что мы выбежали и запрыгнули в внедорожник Марка, хотя до клуба Саке всего 4 минуты езды. Почему же мы не взяли такси? Всё было очевидно в тот момент для людей с неадекватным восприятием мира и возможных последствий.

Во-первых, Юля не пила алкоголь, а значит, гаишники не почуяли бы запаха алкоголя в выхлопе – это был аргумент, которым я успокаивал себя, вытирая нос. Как адвокат, я был уверен, что наркотическое опьянение легко прекратить. Но я не подумал о том, что эта выходка могла стоить кому-то жизни, а Юле – лишения свободы. Для человека в кокаиновом опьянении такой исход и в голову не мог прийти. Ведь каждый в этой машине чувствовал себя мессией фарта и успеха.

Во-вторых, разве такие удачливые и преуспевающие люди поедут на вечеринку на такси? Даже хвастовство приобретало извращённые формы.

В этот раз я даже не оценил ни музыку, ни ди-джеев... Подоконник в туалете запомнился мне, на котором я всю ночь нюхал кокаин с подругой Олега. Даже её имя я не помню, но тогда она казалась мне самым близким и понимающим человеком, товарищем, да что там – родной сестрой! Я излил ей все свои переживания об одиночестве и неудачах в отношениях, о готовности серьёзно подойти к выбору девушки и построению прочных отношений с ней. Я мечтал о дочке, собаке породы корги и о том, какого цвета будет детский бассейн на нашей с будущей женой даче.

А она в свою очередь, насколько это было возможно после 2-3 «северных потоков», начала перебирать кандидатуры из своих подписок в Инстаграме. И каждую девушку из списка мы с ней подвергали совместному анализу на предмет вероятности моего с ней успешного любовного союза.

В 8 утра следующего дня у меня в квартире: я и 2 девушки ждали колес (экстази), кокаин заканчивался и переставал приближать меня к олимпу, то есть почти не вставлял, алкоголь пугал тем что он прекратит вечеринку, чего я безумно боялся. И в этот раз я даже выбор себе не дал, между капельницей со сном и продолжением со всеми вытекающими. Света одна из моих спутниц, была мне знакома по 2-3 мимолетным встречам в компаниях и все знакомство ограничивалось обменом любезностями. Вообще она была очень странная, я оценил это, как необратимые последствия употребления «пластмассы» (мефедрона) дешевого и легкодоступного наркотика, а уж с такими исходными он стал модным среди молодежи, я его не представлял в себе, я «элита» среди торчков, и только натуральное, а экстази, ну это же танцевальный наркотик, приемлемый во всем мире и употребляемый на всех самых крутых фестивалях, так я убедил себя в 6 утра и зарядил деньги на 5 штук.

Она могла то смеяться, то обижаться, выходить из квартиры и в течение минуты возвращаться, переодеваться в мою одежду, снова в свою, разбирать мой холодильник, мыть по-

суду, даже хотела развесить какие-то объявления в подъезде, так как, по её мнению, были проблемы с домофоном. К счастью, утром в субботу она не нашла у меня принтер.

Настя, моя вторая спутница, не прикасалась ни к чему этому. Она случайно оказалась в том кафе той ночью, случайно знала Свету и случайно села за наш стол. Тогда-то на неё и упал мой взгляд. Ей было 18 лет, ростом она была сантиметров 178-180. У неё был четвертый размер груди, который она подчеркивала откровенным декольте. Также она задавала глупые вопросы и комментарии вроде: "Ой, мамочки, настоящий адвокат, так круто, мимими...", "Ой, настоящий кокаин, ми-ми-ми...", "Ой, какая машина у вас!". Ко мне она обращалась на Вы.

В совокупности этих факторов выбор пал на неё. Но ехать одной она боялась, и Света её уговорила, чему я не препятствовал.

Получив таблетки, я незамедлительно съел одну, и лишь потом предложил дамам. Джентльменство, которым я так гордился, испарилось в ситуации ожидания приема веществ.

– Нет, Лёша, я боюсь экстази! – сказала Света, в десятый раз протирая пыль со стола в гостиной.

– Я тоже воздержусь, Алексей, мало ли какой эффект! – поймала мой взгляд Настя. Я ещё не успел протянуть ей руку с розовой таблеткой.

– Что, блин? – мысли путались, но я отчётливо понимал,

что сейчас меня «вставит», но в одиночестве! А не иметь напарника в квартире, а не на танцполе под экстази – это могло вызвать гон и паранойю с выкручиванием суставов от кайфа, так как весь этот поток энергии сконцентрировался на мне одном.

– Да, всё хорошо, вы же со мной, у меня дома. Я джентльмен, не обижу вас и т.д., – снисходительно уговаривал я их, как будто на улице приручал дворовых кошек или диких белок в парке, чтобы покормить их с руки. Не делать резких движений – вот самое главное. Надо, чтобы они хотя бы раз попробовали. Но в моём случае ещё и страха возможного одиночества нельзя было показывать.

– Ну, ладно... Вы обещаете, что все будет хорошо? – с облегчением выдохнула Настенька.

– Да-да-да! – радостно произнёс я, глядя как Светик уже протягивает ей сок, а мне – свою ладошку с таблеткой.

И я от радости, увидев, что они согласились принять экстази, машинально, как цирковая обезьянка хватает и ест конфетку, вообще не думая, проглотил второе круглое.

Дальше все происходило отрывисто: музыка из ютуба по телевизору, под которую я танцевал в квартире, эти две девушки на диване, как пластилин, повторяли форму изгибов мебели. Какие-то поглаживания друг друга, признания в любви, снова ходьба из угла в угол, перебирание вещей в гардеробе и вручение им своих футболок – желание подарить

хоть что-то «самым близким». Попытки танцевать, умыться, покурить, опять умыться, рябь в глазах, любовь, эйфория, страх, снова любовь, отпускает – покурить.

И наконец, вечер субботы: они ушли от меня. Я, давась и срыгивая, выпил 100-150 грамм алкоголя из чайной чашки и побрел один спать в спальню.

Ночью проснулся в поту и ужасе от того, что очнулся. Нашёл ещё водки и выпил прямо из бутылки, которую оставил уже у кровати. Опять лёг... Так и пролежал, уставившись в экран телефона, глядя на всякую ерунду – лишь бы не осознавать произошедшее. Периодически ходил в туалет. Я сбрасывал все звонки и не отвечал на смс: ни от родных, ни на рабочие вопросы, которые возникали, несмотря на то что выходные. Так продолжалось до 9 марта. Естественно, меня хватило лишь на одно сухое смс маме в честь 8 Марта. Мне было наплевать на всех и на всё, и на себя тоже.

По спирали

Время летит очень быстро при таком образе жизни, потому что в такие моменты не думаешь ни о репутации, ни о работе, ни о чем. Зачем о них думать? Ведь есть вещи куда важнее, чем просто жизнь.

Я считаю, что человека во многом определяет и изобличает его настоящего несколько вещей. Одна из них – нали-

чие или отсутствие денег. С деньгами все проще: проще быть честным, проще быть любезным, обходительным, «правильным», верным слову. И кажется, вот оно истинное лицо. Но нет, самая настоящая личина выявляется тогда, когда деньги были, а сейчас их нет на то, что раньше хватало. Потому что для них появилось применение поважнее, как у революционера: цель – как их применить. Вот тогда попробуй отказаться от приглашения в гости, скинуться на какое-нибудь мероприятие, не поехать на отдых с компанией, отдать долг, когда за тебя рассчитались в кафе или клубе, бросив: «Сочтемся!».

Озвучить честно, что сейчас нет финансовой возможности. Ведь окутывает страх уязвимости кратно. Буквально выходные назад ты был на вершине мира, бухая с девицами в ресторане с продолжением в иллюзии, что ты царь без царства, но все же царь. А сейчас надо честно сказать, что сдулся: «Царь-то ненастоящий». И вот момент истины для тебя: «Увы, я занят», «Дел много», «Уже планы», «В следующий раз». И много аналогичной чепухи.

И переживаешь, съедаешь себя из-за лжи и притворства. Но вот ты опять в баре, наливаешь себе и дамам, заряжаешь на «депутата», который знаешь, где брать без «виталиков» и прочего. И все это оплачиваешь монетой, за которую продал себя!

Я всегда поражался, с каким удовольствием и фанфара-

ми можно спускать свою жизнь и принципы в унитаз. И чем громче «оркестр», тем дольше «музыка играет».

Мне удавалось это очень долго. Я был очень компанейским и коммуникабельным. Все говорили, что харизма зашкаливает. Я никогда не был обывателем: коллекционировал винил, чутко чувствовал искусство и любил рок-концерты, классическую музыку. Проходное коммерческое кино не смотрел и не уважал. У меня был свой стиль и вкус. Я умел красиво изъясняться, шутить и очень нравился женщинам. Ну, головы они оборачивали при виде меня. Может, потому что природа не обделила и внешне.

Со мной хотели тусить – я был щедр и, как «поручик», спускал все, что было, и мог легко заплатить за всех. Однажды в Тако я закрыл все счета девушкам, выйдя из туалета и вытирая нос. На хрена я это сделал? Для меня до сих пор загадка.

Если я еще и находился в подпитии, то часто испытывал дискомфорт. Позже получалось его только чувствовать, а не вступать в спор с человеком, утверждающим, что «Роллинг Стоунз» – американская группа и напевающим, выдавая за их творение, песню «Baby, Like My Fire». Или еще хуже: «Виски Кола – королева танцпола» – это круто, а “Блэк Саббат” – неизвестная старая хрень.

Или вот одна «гештальт-терапевт», начитавшись проходных книг по психологии, из тех, кто «живет в моменте»,

«здесь и сейчас». Не ругается матом, ест авокадо, в Инстаграм выкладывает падающий снег с подписью: «Зима пришла и очищает». А следующее фото – пятой точки с выгодного ракурса. С убеждениями, что хороший человек – синоним человека с деньгами. Она заявила: «Сергей Михайлович Достоевский мне близок по духу!».

Моё негодяйство чище вашей святости, считал я. И после 200 грамм виски с удовольствием вёл беседу с той, которая даже имя Достоевского перепутала. А после «заморозки лица» мог ей и очароваться.

Так я и функционировал. И не заметил, как приблизился новый год – я обожал этот праздник, точнее перспективы новогодних каникул. Они давали ощущение легальности пропадания из жизни. В детстве это позволяло ложиться за полночь, а сейчас – без чувства вины игнорировать звонки и СМС на отходняках. Весь этот год я брал трубку по понедельникам с ненавистью к себе, к миру и соответственно к звонящему. Если остатки ответственности не позволяли проигнорировать входящий, правда их становилось все меньше. Ведь сдерживать раздражение получалось все реже.

Я сидел с Олегом в Саке, вторая половина декабря 2021 года, середина недели – то ли среда, то ли четверг. Темы наших бесед всегда были максимально странными: от «бытия

моего» до «масонства и мирового правительства, крутящего весь мир на болте». Но мне это очень импонировало. Не было ни фальши, ни интриг, ни осуждения, ни обсуждения кого-либо.

– Пойду курну, гоу? – показывая на свою баночку из-под орешков, торчащую слегка из кармана его пуховика, шепнул Олег.

– Неее, фенкс!

Травку я не любил. С неё у меня начиналась паранойя. Предыдущий опыт курения с Олегом в его кафе закончился тем, что все официанты превратились во внештатных сотрудников ФСБ. Они собирали информацию о том, с кем я работаю в качестве адвоката и о чём говорю. Да и вообще поедание мороженого и пирожных без контроля – это компромат.

– Принесите мне белого сухого, пожалуйста, – вежливо я попросил девушку, которая моментально оказалась у нашего стола, стоило мне поднять руку.

– Это всё? – безэмоционально уточнила она, фиксируя в блокноте мой заказ.

– Двойную порцию в один бокал и льда отдельно.

К этому времени я очень быстро, почти мгновенно научился миновать стадии торга с собой. Я понимал, что раз допустил мысль, разрешающую мне «измениться» сегодня, то она возьмёт верх. И было бесполезно искать причины не

пить: бой с тенью уже был проигран. Я предпочитал сдаваться сразу, не мучаясь угрызениями совести и вспоминая список дел или данных обещаний. Да и количество людей, для которых я всегда должен быть на связи, заметно сократилось.

Когда Олег вернулся, я уже заказал водку и превращался в весельчака-посетителя, который очень быстро напивался, как на поминках. Ну а дальше план был один: кокаин, ещё кокаин и до закрытия – в кафе, общаясь со всеми входящими, которых хоть чуть-чуть знал. Но искренне был рад их видеть в этот момент и ни с кем не хотел расставаться.

Одиночество – неотъемлемый спутник, сколько себя помню. А в таких состояниях его почти не было. Потому что почти любой мог стать другом, подругой, любовницей на время. На время, пока я не начинал трезветь и не падал на 2-3 суток от бессилия.

В тот вечер случайно написала мне Таня. «Опа, попала ты, Таня! Вот и прекрасно», – подумал я, и остатки лёгкой тревоги рассеялись окончательно. Я уже знал, где и с кем проведу эти пару дней. Дело было за малым – убедить её в том, что эти дни со мной будут лучшими в её жизни. Ну и затариться всем необходимым.

Много усилий не понадобилось: звонок барыге – и я купил кальян в ее новую квартиру, куда она недавно переехала и очень гордилась ремонтом в пастельных тонах.

Таня была моей старой знакомой. Более 8 лет мы пересекались с непонятной периодичностью. У меня к ней было потребительское отношение, у неё, наверное, ко мне тоже. Но со мной у неё не было никаких границ в сексе, и меня это не могло не манить. А что ее тянуло ко мне? Хочется верить, похожие мотивы.

Вообще, она была странной барышней. Ходила в спортзал всегда и регулярно – для неё это прям ритуал: 3-4 часа в день, 3-5 раз в неделю. Соответственно, тело было супер. Она могла выложить фото в Инстаграме с развернутой книгой и подписью «Самое время для себя», «Время прекрасного» или типа «Прикоснулась к духовному». И весь вечер отвечать подписчикам на комментарии.

Или фото заката, солнца, дождя, набережной, неба и так далее – и обязательно с какой-нибудь, как ей казалось, умной цитатой. «Жизнь как эти капли дождя». «Закат, но скоро восход». Ещё при каждой нашей встрече, особенно после продолжительной разлуки, Таня подчеркивала статус своих новых знакомых, появившихся в ее жизни, пока мы не виделись. И ей обязательно нужно мне об этом поведать. Например: «Этот врач, который в правительстве всех наверху лечит, он отец моего бывшего!». «Вот папин знакомый, главный пристав, он мне кое-что подсказал!». «Эти молодые ребята, у них катер крутой, и они на крипте зарабатывают!».

Я всегда реагировал одинаково – с откровенным сарказмом: «Ого-го, нифига себе, круто! Я-то простой человек, до

таких высот мне как до луны пешком!». Уж не знаю, понимала ли она, что это глумление, но чувствовалось – её что-то в этом удовлетворяло.

Как прошли те 4 дня с ней и у неё, я почти не помню! Узнал позже, через несколько месяцев, когда был разблокирован в Телеграмме. Она рассказала, что я куда-то уезжал за рулём и приезжал, что мы нюхали, что я пил и опять удалялся на пару-тройку часов. Пытался разжечь угли для кальяна на электроплите и зажигалкой, и в итоге все её постельные тона на кухне, в ванной и на дверях были в моих чёрных отпечатках. А ещё я помочился не в унитаз, а в душевую кабину. После мы виделись только один раз в Турции.

Таким образом, жизнь прошла ещё полгода. Попытки затормозиться, занятия спортом, подобия отношений – всё было тщетно. 1-3 недели не пью, захожу в ресторан поесть, через 3 часа еле на ногах стою – и понеслось: в «кювете» и по спирали.

– Господи, прекрати уже как-то этот водоворот, плиз, сердце мне что ли останови! – помню, как очнулся в июне 2022 года у себя в квартире и скулил: отекий, наблевавший на подушку во сне. Все присохло к щеке, не мылся несколько дней – воняю. Слезы безысходности и саможалости вместе с негромкими хрипящими воплями исходят из меня. Руки трясутся, даже не могу стакан поднести ко рту. Отказывает поджелудочная. Я кое-как заливаю в себя водку, чтобы ста-

ло легче. Но боюсь, что всё выйдет обратно, и закрываю рот рукой, готовый при необходимости остановить этот процесс – в надежде на облегчение.

Иллюзия свободы

Осень 2022 года, пару месяцев не пью, ни-ни, отечность начала спадать, работа вроде налаживается, залажу в пару новых прибыльных тем, езжу на рыбалку по выходным, гуляю пешком, влюбляюсь в 19-летнюю эскортницу, страдаю по ней, продлеваю загранпаспорт – хочу с ней на Мальдивы.

21 сентября 2022 года, раннее утро, я на р.Волге, в лодке с товарищем и проводником по рыбным местам. Бросаю спиннинг, уже поймал одного берша, счастливый, искренней радости от скользкой рыбы и замерших воняющих ею рук, полные штаны. В добавок ровно в 8.00 утра приходит SMS: «Ваш паспорт готов – забирайте». Я улыбаюсь и уже начинаю мысленно перебирать в голове отели на Мальдивах, ранее на которые глазел в пабликах, представляю как мы с Лизонькой нежимся на песке, как её трогаю, ощущаю от неё запах молока в силу возраста. Ничего меня не смущает: ни её профессия, ни отсутствие общих тем для бесед, ни ее музыкальные предпочтения, отсутствие книг в её жизни. В ней для меня всё идеально, и я готов нудно слушать истории о трагических ошибках её жизни из-за неправильного выбора

подруги, плохого сторис в Инстаграме и т.д.

9.00 Рассылка в телефоне, открываю: «Объявили частичную мобилизацию!». Слухи ходили об этом, но я их игнорировал, сейчас всё официально. Паника начинает нарастать ближе к вечеру, ощущение беззаботности развеивается окончательно после информации из одного из проектов, в котором я был адвокатом и обеспечивал юридическое сопровождение по выкопке черного металлолома из земли. Эти кладоискатели перестарались, копая ближе к берегу, так что завод, около которого всё и хранилось, может уйти под воду, и безопасник – генерал ФСБ в отставке – намерен всех частных сажать.

22 сентября я уже ехал на авто в город Саратов – самый приближенный город с границей с Казахстаном – еще с двумя ребятами, одного из которых видел пару раз в жизни. План был пересечь границу, а дальше решить куда. Бросаю авто в Саратове, у ТЦ какого-то, через пару дней за ней приехал мой знакомый со вторыми ключами.

До КПП на такси, уже утро. Очередь на 15 км из машин, идём пешком, кое-как пересекаем пограничников, потом до 32 часов на минивэне с казахами отцом и сыном до Алматы, аэропорт только там. Восемь дней семь ночей в трёхкомнатной квартире с девятью айтишниками, почти незнакомыми и все моложе меня минимум на 10-15 лет. Пьют пиво,

жрут чипсы, воняет носками и человечиной. Страх депортации, если соседи вызовут полицию, так как эти подростки по ночам спорят, у кого софт лучше, и показывают фото на телефонах несуществующих у них девушек друг другу. Прячу наличку в сумке перед каждым выходом, накаляется обстановка политическая. Тогда я впервые ощутил, что в случае беды, драки или ещё чего мне не к кому идти (посольство – увы, обратно не вариант).

Далее самолет с пересадкой в Индии 12 часов с выходом в город. Вьетнам – 7 часов в аэропорту, оттуда 6 часов лёта с людьми азиатской внешности. Я не расист, но после 40 часов в дороге без сна, любители вонючей лапши были объектом моей ненависти. И вот мы на Бали, прибыли мы вдвоём с Герой, мой приятель. Знакомы мы были 10 лет, но ближе начали общаться в тот злополучный день на рыбалке. Потом я узнал его лучше, полюбил по-своему, несмотря на то, что иногда хотелось его побить. Все считали его странным, по мне так он просто прямой, правильный похуист в том плане, что ему на всё по хуй, но у него всё есть – как он так балансирует, загадка века.

В аэропорту нас встретил 21-летний Миша, я прозвал его позже Люцифером. Молодой мальчик-блондинчик, под носом только-только пушок пробивается. Встаёт в 4 дня, сразу на завтрак – мороженку и пьёт капучинку. Хорошо знает ан-

глийский и умудряется крутить на хую огромное количество наивных покупателей каких-то курсов, зарабатывая миллионы. Демонстративно грустит, что к своим 22 не успел приобрести Ламборджини и почему-то каждый, кто с ним общался, выёбывался, либо в карточные долги после перерыва от игр, либо ломал режим сна и начинал жрать грибы (коих там было в достатке), либо с утра до ночи начинал курить план и клал хер на работу и т.д. И правильно, ведь такой вундеркинд не предложит ничего дурного, наивно полагали все пострадавшие от своих пороков.

Для меня это было время жуткого стресса и страха за будущее. Кое-как спал с нейролептиками, сначала по разным отелям, потом сняли виллу на троих. Я пытался заниматься спортом, ходить на пробежки, даже сёрфинг освоил, но постоянный зуд в голове, как назойливый комар перед сном, постоянно был со мной. Деньги скоро кончатся, вся моя работа была офлайн и строилась на знакомствах и умении пиздеть и улыбаться. А тут эти навыки не пригодны, да и знания языка ограничивались «Hello, my friend, my name is Alex» и в таком духе. Как и на чём зарабатывать и чего ждать, ни малейшего понятия.

До того как я оказался в этой ситуации, был убежден, что люди, зарабатывающие деньги в интернете, – это одарённые редким талантом избранники божьи. Ну, оно и понятно:

у меня даже компьютера не было, документы писал от руки, а помощник их перепечатывал.

И когда я увидел, как компания из парней и девушек не может понять, кто сколько съел в кафе, чтобы рассчитать-ся (цена вопроса была 500-600 рублей), а до этого смотрели на сайтах поддельные кроссовки Адидас, чтобы затем выложить фото в них на страничку своей гламурной, но несуществующей жизни – мои опасения о недостижимости онлайн-заработков развеялись. Последним аргументом послужила ситуация с одной леди: приятная брюнетка на фото с сексуальными формами в Инстаграме ставит мне лайк, я, к тому времени оголодавший по ласке, реагирую моментально «привет и т.д.». В ответ что-то про мотивацию, матрицу денег и всю эту херню. Сразу соображаю, что меня развести пытаются, причём так топорно, нисколько не стесняясь и напрягаясь, даже как-то обидно стало: я думал, я требую больше усилий для развода. И, не выдержав этого кукловода, написал: «Девочка, где ты мышей ловила – я кота жохал!».

Ну реально, мошенников я видел, сталкивался и бывал обманут, но, сука, красиво и со вкусом. И проигрыш принимал, а когда тебя принимают за дегенерата – это как перчаткой по лицу. Ответ же «бизнес-тренерши» был таков, что она сделала скрин экрана и репост с нашей перепиской с критикующим постом «SOS SOS, На острове хамло!».

С противоположным полом было туго, несмотря на огромное их количество в купальниках, рассекающих на байках, танцующих на крутых тусовках на берегу океана. Конкуренция самцов огромная, а австралийские самцы, приезжающие туда серфить, как «Марвел» нарисованные: Тор-бог грома с молотом из фильма – это среднестатистический австралиец. Все забиты татуировками, с длинными волосами. Ну короче, хочешь не хочешь – закомплексуешь. В довесок ярко выраженный интерес русскоговорящих девчонок к ним.

Спустя пару месяцев истекала виза, и надо было сделать вылет в Малайзию на пару часов, чтобы обнулиться и опять прибыть в Индонезии еще на 60 дней. Но я не был спокоен. Внутри постоянная буря нарастала: тоска по дому, друзьям, работе, поездкам на машине с решением вопросов. В аэропорту знакомлюсь с евреечкой, говорящей на ломаном русском, но так мило она произносила русскую речь, что я был ею очарован. Она летела в Таиланд с пересадкой в Малайзии, я же ждал вылета обратно. Не спал сутки, вымотан зонами контроля и самолётом, и растерялся, не взял номер, объясняя тем, что вряд ли мы встретимся. О чём сожалею и по сей день, как будто любовь с первого взгляда, а я не могу её описать.

И вот я обнулился (визаран) и иду по парковке в аэропорту за своей 150-кубовой Ямахой. Не спал, толком не питал-

ся все 30 часов, проебланил женщину всей жизни, всё меня бесит: жара, нет близких друзей, эти еще добрые, но навязчивые и тупенькие индонезы таксисты, шум от самолетов и вишенкой на торте, начинается дождь...

– «Ред вайн», – малознакомая мне украинка в тот же вечер напротив в суши-баре заказывает себе и молвит страшное:

– А ты что будешь?

– Ммм... Нууу.... Как бы.... – мямлю я, бой с демонами затягивается на секунды.

Трудно описать, какие чувства меня наполняли в тот момент. Как будто это мог быть мой последний бокал – это меня пугало и в то же время манило, как будто всё сейчас могло прекратиться: постоянные гонки за будущее, тревога с бессонницей, тоска по больному отцу, ненависть к мировой ситуации и мобилизации, к копателям металлолома, которых я винил регулярно. Засыпая на вилле среди малознакомых мне людей, каждый день убеждал себя в иллюзиях светлого будущего, периодически даже в них верил, а потом слёзы накатывались, когда понимал, что, блин, ничего не будет как раньше.

– Мне ту, дабл, плиз, – как только я просто это произнёс, сразу стало пофиг на себя, на свою жизнь, на будущее, даже на то, как я доберусь из этого бара на байке не трезвый, как будто вышел из горячей бани, где уже задыхался, на улицу

и вздохнул. Одно меня грызло – это ощущение отцовской любви ко мне, единственного человека в моей жизни, кто каждый день писал мне, сообщая – он жив и переживает за меня, но я знал: после бутылки и это рассеется в небытие.

– Ноу, ноу, сэр, ноу!!! – кричит мне индонезийский парковщик байков у ресторана, когда видит, как я еле живой в говно пьяный пытаюсь оседлать свой скутер, ещё и шлем скинул на землю, дабы прическу не испортить.

– Фак офф, бро, ай эм ол райт! – как всегда с улыбкой в этом состоянии кричу ему и завожу Ямаху. У меня уже был план: пить, пока могу, и найти наркотики. Слухи ходили, что с моим любимым препаратом здесь тяжко, даже нереально. Я помчался в аптеку, т.к. слышал о барбитурате (Реталине и Лирике), легализованной в этой стране, которую отпускали в аптеках без рецепта и эффект которой схож с кокаином. Слышал я это от русскоязычных спортсменов-качков, давно живущих на острове. Инстинкт самосохранения пропал, я мчал уже по темным узким улочкам, забитыми двухколесным транспортом, еле держа равновесие.

На Бали ПДД как таковые вообще отсутствовали. Даже регулировщики на оживленных перекрестках их не знали. Не говоря уже о самих участниках движения – им мог быть пацан лет 10, женщина с малолетним ребёнком, прицепившимся сзади к ней как рюкзак, какой-нибудь сёрфер с соба-

ками и т.д. Короче, кто во что горазд, и выбор, кому уступать дорогу, а кому нет, был интуитивным.

Последнее, что помню: передо мной появляется старенькая Хонда с двумя девушками с какими-то корзинами и пакетами, перпендикулярно моему движению. Они выехали с уверенностью, что им все уступят, и все это сделали, кроме меня. Я даже среагировать не успел и со всего маху въезжаю в бок их байка. Они на земле и я тоже. Встаю как могу пьяной головой, диагностирую себя – вроде не сломан. Девушки тоже неспешно поднимаются, одной лет 25, другая раза в полтора старше и мудрее: видит, что я «иностранец», – начинает демонстративно стонать. Но я не придаю этому значения, т.к. они уже поднялись на ноги и, видимо, не поломаны. «Фух, слава Богу!» – начинаю трезветь и принимать реальность, и вдруг чувствую удар по голове чем-то твердым. Не успеваю обернуться, как прилетает по спине, снова по голове, уже с другой стороны. Начинаю крутиться и понимаю, что еще очень пьян. Падаю, пытаюсь встать, удары ногами, камни какие-то летят, палки, по рукам, голове. Разъяренная толпа из 20-30 индонезийцев, откуда они взялись – непонятно, налетела, как на корм мальки. Что-то орут, каждый считает нужным внести свой вклад в эту ситуацию – приложиться по моему телу посильнее.

– Сооррии, сооррии, блядь, больно, ааа, сооррии! – кое-как встаю на ноги, получая удары, прикрывая голову и лицо.

– Ван момент, достаю доллары из кармана, – удары моментально прекращаются. Крики стихают. Всё, что я делал дальше, можно делать на любом языке, особенно в стране, пропитанной коррупцией. И даже будучи сильно пьяным, я ощутил, как демоны внутри могут конкурировать между собой, даже в такой ситуации выбирая, чем же убить носителя.

Когда я орал от побоев и боли, готовность отдать всё содержимое карманов была стопроцентная, но как только побои прекратились, отдавать всё желание пропало, ведь надо же оставить деньги на препараты – такой способ самоуничтожения мне льстил больше.

Я начал торговаться. Суть торга была проста: я сунул 20 долларов в руку молодой пострадавшей, и она заулыбалась, но вторая, постарше, застонала. Не успел я даже ей какую-то купюру протянуть, как получил палкой по голове сзади. Не оборачиваясь, понял, что нужно как минимум удвоить или утроить сумму, и я удвоил, думая не о возможном ещё одном ударе, а о Риталине и т.д. Без средств на покупку сего я остаться не планировал.

Отделался 65 долларами и пакетом с мороженым – жест благодарности толпе за синяки и ссадины, а не бездыханное тело в канаве, за которым они гнались, пока эта стая удерживала мою Ямаху в заложниках.

И вот я уже паркуюсь у нужной аптеки и чувствую мощный прилив опьянения от адреналина. Я вообще давно ощу-

тил: когда пофиг на свою жизнь, этого можно не осознавать, всё подтверждается действиями по самоуничтожению. И проявляется во всём. Сегодня я был на волосок от смерти, но продолжал себя там удерживать торгом за деньги.

С алкоголем и наркотиками та же история: если я что-то употреблял, кредо было одно – «должно быть так хорошо, что немножечко плохо». У меня всегда была своя религия на этот счёт. Во-первых: угашивай себя, пока не упадёшь, 2-5 суток неважно – батарея должна сесть. И страх смерти у меня всегда отсутствовал, особенно в такие моменты. Мол, если отойду, то как рок-звезда, шутил я. Во-вторых: впиши в себя столько, чтобы на грани – мол, ещё чуточку и кувырк, и нет Алексея, иначе всё зря. В-третьих: любой кайф должен переть, потому что только так испаряется одиночество и неприятие мира.

Но, несмотря на две клинические смерти и как минимум шесть передозов, что-то или кто-то охранял меня, и я даже негодовал: «Я ж бесполезный, вроде, зачем удерживаешь?» – обращался мысленно куда-то. И всегда был экологичным – страдали только любящие меня люди из-за переживаний. Но и то позже. Они были готовы, что получают звонок из морга или полиции с ожидаемой новостью. А в тот вечер у меня вообще резьбу сорвало – могли пострадать и другие от моего стремления самоубиться привычным способом. И это чувство вины мне не терпелось быстрее чем-нибудь истребить в себе.

– Гив ми плиз ту Риталин энд ту Лирика, – еле стоя на ногах и засунув побитое лицо в окошко, бурчу испуганному индонецу.

– Йес, сэр, – услужливо отвечает смуглый юноша.

Я раскрыл в порошок Риталин прямо на седле байка и, кое-как засунув себе в нос порошок с измельченными камнями, проглотил 3 капсулы Лирики. В глазах зарябило, тело повело в сторону, ноги становились ватными, сердце забилося. «Стоять, бля, опа, опа, Алёша, стоим, стоим», – бормотал себе под нос, опираясь на руль двухколесного транспорта. «Наебали, пи*орасы», – злился я на распространителей слухов о схожести с кокаином этих веществ. Но закинул ещё по одной таблетке всего, что было, и сел на байк.

Пока ехал на виллу, чуток стало лучше – физическая боль от побоев стихала. Но пробудилась дикая жажда употребить что-то сильное. Я же дал себе разрешение, а тщетная попытка с барбитуратами только раззадорила её. Как акула почуяла кровь – меня уже ничего не могло остановить от агонии поиска, только если у организма отключить функционал передвигаться.

Оказавшись на вилле, где мы жили, соседи привели девушек. Одной я приглянулся, она начала отпаивать меня кофе и промывать ссадины на лице. В теле были странные ощущения: ломота, потливость рук, сильно билось сердце, а жажда

своего кайфа выкручивала кости.

– Лен, ты была на Гили? – спросил я у 20-летней девы, приподняв голову с ее колен и чуть поморщившись от боли.

– Неа! – лукаво промяукала Лена, понимая, к чему ведёт мой вопрос.

Я сразу оценил обстановку. Несмотря на физическое состояние, я очень быстро сориентировался, когда режим «поручик Ржевский» включался. А тут были все слагаемые для этого персонажа.

Первое – Лена: стандарт моих симпатий: юна, наивна, хитрые раскосые глаза, приоритет отдавался мужчинам постарше, занималась недвижимостью в Мск и Дубае, ну с её слов, а это означало, что она была эскортницей, которых я чувствовал. Причём к этому возрасту при таком количестве тусовок научиться определять данный вид было легко и забавно – все примерно одинаковы.

Я фотограф и немного эскортница! Я модель и немного эскортница! Я пеку булочки и немного эскортница! Я мастер маникюра и эскортница! Мастер по загару и эскортница и т.д. и т.п. Все они как бы работали, но основной доход получали от состоятельных мужчин, кто-то встречался с папиками через агентство, а кто-то при симпатии знакомился, и цифра лично оговаривалась.

Второе: я был уже нетрезв и с неумолимой тягой попасть глубже в зазеркалье, попасть туда с фейерверком ценой как

минимум здоровья.

Третье: наличие денег.

– Прекрасно, ангел мой небесный! – вскочил я как на парад и скомандовал: – Смотри, во сколько ближайший катер, а я отель бронирую! – и стер кровь рукавом рваной рубашки со лба и лица от ссадин, которые она еще не успела обработать.

– До Гили? – неуклюже изображая неожиданность, но зная ответ, уточнила Леночка.

– Угу! – промычал я, затягиваясь Мальборо и параллельно плясь в Booking (сервис по бронированию отелей).

Остров Гили – это один из многих островов Индонезии. От Бали находился в 3 часах на скоростном катере, которые ходили от балийского порта 2 раза в сутки. Гили очень маленький остров, настолько маленький, что пешком его можно обойти за 1,5 часа. Окружён видовыми вулканами с 2 сторон, безумно красивыми закатами и восходами, с белым песком на пляже, утыкан мини-отелями разного комфорта.

Облюбован европейскими туристами, но истинная причина притяжения на него большого потока молодых путешественников кроется не только в девственной красоте природы. Из-за размеров острова правительство страны не сочло нужным содержать здесь полицию, закрывая глаза на происходящие здесь вакханалии. Это место стало своего рода

«клапаном» для приезжающих со всего мира в Индонезию австралийцев, французов, англичан, итальянцев и других, жаждущих отрыва и запрещенных на родине удовольствий.

Наркотиками здесь торговали все местные жители (а их было не больше сотни), работавшие в сфере обслуживания баров и отелей типа «гестхаус» или бунгало разной величины (даже двухэтажные здания здесь были запрещены). Грибы и травку курили повсеместно, купить их можно было у любого работника заведения, а у «подозрительных» людей на обочине – что-то посерьезнее.

Что интересно, из-за трепетного отношения к природе на острове запрещены любые транспортные средства с двигателем внутреннего сгорания. Передвигаться можно было либо на велосипедах, либо на тележках с возницей-индонезийцем, запряженных лошадьми с колокольчиками. Поездка на таких экипажах сопровождалась звоном бубенчиков и цоканьем копыт по кирпичной тропинке, что напоминало сказку.

Пять утра. Мы на пирсе, толпы туристов – слышен английский с разными акцентами, шведский, австралийский, немецкий; гул океана, солнце начинает нагревать. Много очередей из молодежи с рюкзаками, прикрепленными к ним туристическими термосами. Двухпалубные катера один за другим подходят к пирсу, под крики на непонятном языке забиваются под завязку жаждущими отправиться искателями приключений.

Мы с Леночкой точно выделялись из этой массы. Я в рваной льняной белой рубашке, с ваткой в одной ноздре, так как кровь периодически шла из носа; с ссадиной на лбу, разбитой губой, синяком под глазом, в чёрных шортах не для плавания и прогулочных шлепанцах. В одной руке открытая бутылка шампанского, в другой полиэтиленовый пакет, звенящий бутылками крепкого алкоголя. Сажу на бордюре в тени навеса.

Леночка в легком коротком коктейльном шелковом платье, едва прикрывающем красивую филейную часть с глубоким декольте, делающим небольшую грудь желанной; в открытых кожаных босоножках на ремешках почти до колен. Волосы шикарные, распущенные, глаза подведены стрелками, которые она нарисовала, пока мы мчались в такси с виллы.

Поднявшись и заняв свои места на судне с закрытым верхом, начали ждать отправления. Мне было плохо – я потел так, что глаза заливало потом. Хотелось выйти из тела, просто заснуть и проснуться в России, в родительском доме. Но я даже физически был зажат пассажирами и не мог пошевелиться. Становилось всё хуже, захотелось прямо завопить во все горло...

И тогда, как по инструкции в методичке по оказанию первой помощи, кое-как, но одним движением достал бутылку виски из пакета, стоявшего между ног. Открыл и двумя большими глотками запил сразу три таблетки лирики. Меня аж

перекосило – виски были тёплые и, походу, палёные. Да и привкус крови и пота с разбитой губы попал в рот. Но достать колу было некогда, и я сделал ещё глоток...

Леночка же сидела рядом, смотрела прямо через маленькое окошко на океан, держа балетную осанку, в ожидании приятных дней на островах. И мне кажется, ей нравилось приключение, происходящее со мной, это ее умиляло. Ну оно и понятно – вёл-то я себя как гусар: всё покупал, шумел, шутил, без очереди провёл нас через толпу, таща её за руку, как потеряшку; забронировал шикарное бунгало с крылечком и соломенной крышей среди пальм на берегу океана, и бонусом – гамак между тропических деревьев.

И вот мы на острове. На причале уже стояли повозки, запряженные лошадьми. Мы тут же сели в одну, и кучер-индонез ростом 150 см в рваной жёлтой футболке, улыбаясь во все 13 зубов, повез нас к отелю, который он узнал по картинке в телефоне.

Оглядываясь по сторонам, я даже на мгновение отпустил свою истинную цель визита сюда. Голубой океан, белый песок, на берегу расставлены лежаки и кресла для любования закатом, мало народа в купальниках, открытые кафе с самодельными деревянными лавками – всё как-то по-другому, не как на стандартных курортах.

Бунгало, в котором мы заселились, было необычайно шикарным: с соломенной полукруглой крышей, приподнятое на полтора метра над землёй на деревянных сваях. Мини-веранда с плетеными стульями и видом на океан и вулкан. Рядом гамак, закрепленный между пальмами. Всё из бамбука и дерева. Внутри же современная отделка – кондиционер, душевая. При отеле был мини-бассейн и бар-ресторан, куда я тут же пошёл и заказал бутылку вина, искупавшись после дороги.

Леночка пила эстетично, отгибая мизинчик и слегка касаясь краем бокала солнцезащитных очков, что доставляло ей дискомфорт и выглядело забавно. Но снять их она не могла – это бы нарушило ее образ леди, тем более она уже была в купальнике и прозрачной длинной тунике, которую я приобрёл для неё при отельной лавке. Я же был в той же рубашке, но закатал рукава и пил местный виски со льдом, запивая холодной водой.

На месте мы не стали задерживаться – пошли пройтись по острову, но каждый со своей целью. Лена – пофотографироваться и полюбоваться красотами, я же у всех прохожих индонезов спрашивал «коко?» и показывал пальцами на шмыгающий нос, так они понимали, что мне надо. У каждого что-то было, но я предпочитал пробовать, прежде чем платить, так как понимал – здесь все хотят нае*ать туристов. И бог

его знает, что только не побывало в моём длинном шнобеле, прежде чем я нашёл то, что мне было нужно, и сразу взял 5 граммов, а также контакты этого немолодого, но по местным меркам прогрессивного островитянина.

Ману носил джинсовые шорты ниже колен с большой вышивкой в виде кленового листа на передней части бедра и по колено красную борцовку с надписью на груди «Michael Jordan». Был босым, с грязными ногами, но это не особо бросалось в глаза из-за почти чёрного цвета его кожи. А вот что привлекало внимание – это его причёска: длинные по плечи растрепанные и сальные волосы, крупные слипшиеся от редкого мытья локоны. Но безумно добрые глаза, как у домовёнка Кузи, на кого он и был похож, что весьма странно для наркоторговца...

Следующие шесть суток очень отрывочно помню, даже последовательность путается.

Леночка уехала через два дня, а я остался и продлил отель еще на трое суток, зачем – не знаю. Вообще не спал, периодически отключался на 2-3 часа и гасил свой организм алкоголем и препаратами, а он всё продолжал функционировать.

Познакомился с Сергеем – русским парнем из Подмосквья, работником пожарной машины из структуры МЧС. Он вынужденно уехал из РФ из за страха призыва на службу, но, не увольняясь, дистанционно продлевал больничные и отпуск, водя за нос начальство. К тому времени он уже объ-

ехал 5 стран, путешествуя очень бюджетно – ютась по гостевым домам. Вёл активно соцсети, похожий на ведущего «Орёл и Решка», только ему всегда «выпадала решка». Мы до сих пор подписаны друг на друга в инстаграме.

У меня вообще много претензий к социальным сетям. Они делают жизнь фальшивой, о чём говорят, но рады в неё попасть. Ведь почти все смотрят на наличие перьев, а не на размах крыльев, и не видят смысла обратить взгляд в глубь человека. А в соцсетях эти перья можно ещё и дорисовать. Вот она, добровольная ловушка самообмана.

Он впервые попробовал кокаин и верещал как ребёнок от счастья – не от очевидного кайфа, а от того, что прикоснулся к чему-то криминальному, на его взгляд. Жаловался, что не знает, что делать дальше, стоит ли возвращаться в Россию, что накопления заканчиваются и руководство скоро его раскусит и оклад перестанет приходить ему на зарплатную карту Сбера. Что до сих пор этого не произошло, не удивляло – я примерно представлял его начальство с айфонами от коррупционных денег, но использовавших их как кнопочные телефоны.

Я всегда умел убеждать людей с помощью харизмы, красноречия и искренней веры в то, что говорил. Сергея я убедил, что он может стать крутым тревел-блогером, а чтобы не отступать от цели и не иметь возможности вернуться с пока-

ниями на родину, убедил его взять кредит в Сбер Онлайн на 1,5 миллиона, дабы госслужащим моментально одобряли без личного визита в отделение. И он так и сделал, перевел деньги с российской карты через Бинанс себе на грузинскую карту. Российские тут не работали, у меня же была карта банка Индонезии.

Кстати, не знаю, простил ли он меня за это, но в инстаграме он ничего не выкладывает, а в Вконтакте меня нет. И не знаю, может он уже и вернулся в РФ, а может и нет.

Помню, приехала какая-то барышня с Бали ко мне и жила пару дней со мной, но запамятовал, куда она делась в итоге. Дальше воспоминания как альбом фотографий «полароид» и кинохроника из обрезков пленки VHS: звёздное небо рябит в глазах, раскачиваюсь на гамаке, и прёт экстази. Не знаю, откуда они появились у меня. Закрываю глаза. Когда открываю, уже сижу на веранде: рассвет начинается, у меня в руках пластиковая бутылка с проделанной дырочкой внизу, вдыхаю содержимое... Уже день, солнце в зените, купаюсь в одежде в океане... Вдруг вижу закат, разместившись в кресле-мешке на берегу и проснувшись от того, что пролил на себя холодную колу.

Тук-тук-тук – Хэллоу, хэллоу, сэр!.....

Открываю глаза, верхней частью тела лежу на деревянном полу, ноги на кровати, щека прилипла к полу от рвоты и по-

та, и черт знает от чего еще. Рука прижата животом и грудью и не шевелится, так как затекла. Все вокруг сыро, наверное, обоссался или так сильно потел – такое со мной бывало за месяцы тренировок по курсу выживания и экспериментируя в поисках грани между состоянием овоща и отходом в небытие. Голова не то что болит – по ней будто стучат киянкой (деревянным молотком), виски пульсируют, начинаются судороги, но я в сознании. Пытаюсь приподняться, отжимаясь с пола, но ноги не шевелятся. Вдруг рука, которая затекла, подламывается, и я плюхаюсь лбом и лицом о пол. Начинаю стонать, и в этот момент от головокружения рвота желчью и кровью – ведь почти неделю в желудке не было ничего, кроме колы, наркотиков и алкоголя. Вся эта масса на лице, шее... Я не могу пошевелиться.

У меня бывали состояния, когда в голову лезли мысли о пощаде от мучений, причиняемых себе своими демонами. Хотелось, чтобы кто-то просто остановил мне сердце, и все мои личности перестали бы существовать вместе со светлым Алешей – лишь бы наступила тишина. В тот момент я сам хотел себя уничтожить физически, и как можно быстрее. Если бы я мог шевелиться и под рукой было что-то грозное, я бы это сделал. Но кто-то словно парализовал мое тело.

Физическая боль – это лишь верхушка айсберга, добровольного спуска в чистилище. Это похоже на кому, в которой я пребывал двое суток в 2015 году после передозировки. То-

гда скорую вызвала гражданская жена, и врачи меня спасли. Сегодня же рядом не было никого. Я, кажется, кое-что вижу, что-то слышу, пытаюсь пошевелиться, даже кричать, но получается только жалко мычать. Леденящий ужас от полного бессилия: я даже жизнь прекратить не могу.

Я понимаю, где я нахожусь – в тысячах километров от дома. Жалкие попытки хотя бы мысленно там оказаться прерываются телесной болью и возвращают меня в этот ад в географическом раю на земле.

Осознание того, что рядом нет никого, кто хоть чуть-чуть мне близок, не то чтобы друзей, вообще никого, кроме барыг-индонезийцев, жаждущих только одного – чтобы я жил, убивая себя и обогащая их, да услуги отеля, примерно с такими же желаниями, но скрытыми за вежливостью и официальными счетами за алкоголь. Одиночество в такие моменты – вот истинная кара и ужас, так выглядит проклятие.

Вообще с годами я понял, что дружба и люди – это самое важное, что может быть в жизни, и что настоящие взаимоотношения – это жертва, потому что, когда тебя зовут куда-то гулять, тусить, да просто провести время, когда тебе особенно нечего делать, подрываешься легко, и вы идете под руку хоть на край света. А вот попробуй сорваться с веселья или любых простых человеческих радостей – будь то свидание с девушкой, вечер в баре, просмотр фильма под одеялом и т.д. – к другу, и променять всё это просто на то, чтобы рядом

с ним посидеть, ведь ему это надо. Вот она, жертва.

Я был богат в этом плане – у меня четыре таких друга, принимавших меня любого и готовых хоть сон мой охранять, если мне это понадобится.

А тут я один на полу, не могу даже кричать, и никто меня не обнимет и не поднимет. Я даже плакать не мог настолько страх сковал меня.

Придя чуть в чувство и немного осознав, что надо хотя бы до острова Бали добраться – ведь это мой нынешний, пусть и не родной, дом – а это непросто: паромы ходят по расписанию, билеты надо покупать заранее. Я и приобрёл пару дней назад, когда хотел вместе с Леночкой уехать, но волею порочков задержался.

Паспорт забрали работники отеля, поскольку счет за мое пребывание превысил начальный бюджет в пять раз. Ну естественно – гусары за вином не ходят, им его приносят по бешеной цене. Наверное, таков был мой мотив, когда рум-сервис обивал порог моего номера.

Я начинаю искать банковскую карту Банка Индонезии, но вспоминаю, что она заблокирована. Пара местных барыг, пока Ману спал, сперли ее и пытались подобрать пин-код – в итоге карта заблокировалась. Наличных нет, паспорт на ресепшене, я весь в рвоте, крови и еле стою на ногах, на острове размером с российский двор из хрущевки, почти не говорю

по-английски, до родного дома 9000 км, жара 40 градусов.

Я всегда был живуч, но в такие моменты понимаешь, что человек вообще существо выносливое. А если еще кто-то или что-то оберегает сверху, другого объяснения у меня просто нет: почему я до сих пор жив, при явном стремлении оказаться на том свете.

Во мне скорее просыпается желание не выжить, а сбегать от чего-то. Если сегодняшней побег и можно назвать выживанием, пусть так. Дальше все как в мультике: управляемый невидимым джойстиком, делаю пару глотков виски из открытой на веранде бутылки, но не допиваю и не ухожу в отрыв, а будто дозирую – чтобы просто мотор завести. Выхожу на улицу, беру велосипед, начинаю крутить педали, с периодическими остановками: закурить, проблеваться кровью, искать русскоговорящих. Нахожу, договариваюсь о сложных транзакциях с карты на карту российских банков, биржа Vinapse мне в помощь – вуаля, у меня нужные наличные. Кое-как закрываю счет и успеваю на паром.

Три часа на катере, бляя на палубе под осуждающие и одновременно сочувственные взгляды туристов. Добираюсь до Бали, ложусь под одеяло в отеле, где все мои вещи, типо мой дом здесь. Четыре дня в темноте и тишине.

Лживая надежда

Новый год с 2022 на 2023 встречал на вилле, где я уже жил вместе с ребятами в своей комнате, но с общим большим открытым пространством «ОпенСпейс», как выражался Гера. По мне так, это гостиная или зал, но без стен и с соломенной крышей. Главное, что по вечерам мы там собирались, могли молча сидеть каждый в телефонах или смотреть фильмы, но рядом и с русскими – это давало мне чувство уюта и тепла, издавека напоминало дом.

Я сильно отличался от этой молодежи не только возрастом. Самому старшему было меньше меня на 9 лет, а кому-то я в отцы годился. Но и взглядами на жизнь мы расходились. С детства у меня была потребность обзавестись жильем (пусть и в ипотеку на 52 года), иметь работу не в интернете и место, которое можно назвать домом. Конечно, я рано понял, что настоящий дом – это любящие люди рядом, но должно присутствовать и что-то материальное: большое, твёрдое. У моих соседей всё иначе: весь быт помещается в чемодан, работа – в телефоне, лето проводят в Москве, осень – в Сочи, зимой – Дубай, Бали, Таиланд. За 10 минут можно купить билет и снять жилье без конкретных сроков.

Их не волновали ни инфляция, ни мобилизация – это поначалу вызывало зависть. Но потом я увидел цену такой свободы: отсутствие корней не способствует мужским принципам вроде «держи слово» и «дружеское плечо». Каждый был сам за себя, и если бы на вилле кого-то начали избивать, я без раздумий кинулся бы в драку. А это же поколение доста-

ло бы телефоны, чтобы снять, как бьют их ближайшего человека. И вот дилемма: какая жизнь правильная?

К ночи в нашем «ОпенСпейсе» уже было около 30 таких вот «голубей и голубок мира». Они пили шампанское, снимали это на телефоны, чокались, кричали "Ууу!". Но стоило камере отвернуться, замолкали и с кирпичным выражением лица выкладывали 15-секундную иллюзию счастья в соцсети.

Я не пил с момента приезда с Гили, чувствовал себя ужасно одиноко, хотел в Россию, причём без конкретного места – мне просто были нужны рядом друзья. После звонка с сестрой по ФейсТайму, получив поздравления с Новым годом, я лёг спать, надел беруши, свернулся клубочком и пролежал так трое суток. Смотрел по телефону «Гарри Поттера» и мечтал вернуться домой.

Весь январь и половину февраля я прожил так, как многие мечтают: не брился, не стригся, катался на байке в шортах и рваной футболке по побережью океана, ходил в спортзал. Но этот рай грыз меня изнутри.

9-10 февраля раздался звонок: «Можешь лететь, всё стихло!».

Я сразу купил билеты до Москвы на 16 февраля и с радостью сообщил столичным коллегам, что 17-го буду в Домо-

дедово. Прямых рейсов не было, только с пересадкой в Дубае. Но я выбрал перелет с шестичасовой остановкой – хотел купить себе зимних вещей в дьюти-фри: хотя бы штаны и куртку, зимнюю обувь. Свои осенние вещи ещё в Казахстане послал сестре посылкой.

Мой фарт трезвости подвел все мои грандиозные планы. Пересадка перенеслась в другой терминал, где почти не было одежды – только футболки, шорты и прочая летняя ерунда, которой у меня и так был чемодан. А мне нужны были хотя бы джинсы и куртка: в России февраль, -10°C , снег, а я в джинсовых шортах, голубой олимпийке Adidas и кедах Converse, с рюкзаком за плечами и двумя пакетами, набитыми мини-бутылочками алкоголя из номеров пятизвездочных отелей.

Кроме этого, я ничего не смог купить и потратил 1000 долларов из 20 000 наличными, полученных на Бали. Я планировал потратить всю эту сумму на зимне-весенний гардероб, явиться на работу обновленным и трезвым, заряженным энергией. План «Б» возник спонтанно, когда я без сна слонялся по зоне посадки: раз не смог купить одежду себе, то хоть подарки всем коллегам куплю, которые должны были встретить меня в аэропорту. И уверенность в том, что алкоголь – это подарки, а не для личного употребления, на момент посадки в самолёт до Москвы бюджетной авиакомпанией была искренней и непоколебимой.

Но моя вера в трезвость дала трещину, когда я проснулся за полтора часа до посадки от криков и толчков детей 2-5 лет, сидевших со мной в одном ряду. Пакеты с «подарочным» алкоголем были в ручной клади.

После паспортного контроля и получения багажа, осушив за полёт четыре бутылки «Абсолюта», я в шортах и олимпийке, с длинными волосами, небритый, почти с бородой, весь в фенечках и браслетах, загорелый после соляриев как провинциальная милфа – вываливаюсь в зал встречи.

В толпе мой приятель с табличкой «Беглый адвокат» и ждущий нас майбах, где на сиденьях уже начерчены «Северные потоки». А дальше всё ясно, что было.

Я прожил в московском Hilton неделю в феврале в одних шортах, умудряясь ходить по барам, так и не купив никакой одежды, спустив за это время все 19 000 долларов на эскортниц и кайфы. 27 февраля, как побитая бездомная собака, с похмелья вернулся в родительский дом.

Когда отец крепко обнял меня на пороге, мы стояли, плача, и не отпускали друг друга минут десять. Я давно не испытывал такого счастья. Ничто не может подарить чувство, как объятия безусловно любящих тебя людей. Ничто!

Я понял еще кое-что: любая зависимость – алкоголь, женщины, наркотики, аплодисменты – это как болото. Когда осознаешь, что вязнешь, появляется желание выбраться. В

тщетных попытках барахтаешься, сковываются движения, захлебываешься всей этой тиной – и вот ты один идешь ко дну. Никто не протягивает ветку, чтобы помочь, несмотря на то, что весь в дерьме по горло. Веришь в свою крутость и самостоятельность.

Так случилось и со мной по приезду в РФ. Работы становилось всё меньше, почти каждые выходные – гулянки, которые могли затянуться на неделю. Открылась язва желудка, отказала поджелудочная, проиграл пару важных дел, кинул меня партнёр, не выдержав моих пропажек и ненадежности. Появились огромные долги, периодически возникало желание покончить с собой, но страх не давал это сделать.

Я давно понял, а теперь в полной мере ощутил на себе: забота обо мне кого-то «сверху» может выражаться не только в сохранении жизни и везении, но и в том, чтобы исчерпать мои ресурсы, окунуть в самое дно с белой горячкой, галлюцинациями, ломанием руки в бане, засыпанием на улице, потерей памяти. Я даже съездил в Питер, чтобы «окультуриться» и остановиться с выпивкой. Взял на это деньги в долг, но решил выпить у памятника Довлатову – и трое суток не выходил из номера, торчал с малолетками. В итоге оказался в психушке в чужом городе, проебланил день рождения лучшего друга.

Это было моё последнее употребление.

Возрождение

– Привет, меня зовут Алексей, я алкоголик-наркоман, у меня сегодня пять месяцев трезвости, – гордо произношу, глядя прямо в глаза собравшимся в обшарпанных стенах. Размешиваю принцессу «Нури» в пластиковом стаканчике.

– Привет, Алексей! – хором отвечают в унисон 15-20 человек и аплодируют мне.

Выйдя закулив сигарету, сажусь в свой BMW, параллельно просматриваю расписание поездов до Москвы – собираюсь на перевод в крутую коллегия, куда меня пригласили после пары собеседований. Будучи трезвым, я словно феникс, возродившийся из пепла: почти нет долгов, вышло большое интервью со мной как с успешным адвокатом. Профессионализм – последнее, что мы теряем в жизни. Хирург-алкоголик может ронять мелочь в магазине, покупая выпивку, но взяв скальпель – сосредоточен как никогда. Пишу стартаперу, с которым запустили линию одежды на маркетплейсе.

Жизнь прекрасна, чувствую себя свободным. Собираюсь к девушке, которая, кажется, любит меня за то, что я просто Алеша – добрый, воспитанный парень с кучей запретных историй. Рядом с ней я обычный обыватель, дарю шоколадки, она мурлычет у меня на груди, когда я рассказываю ей о прошлом, глядя в потолок ее спальни.

Вдруг на экране всплывает сообщение от Ирина Грудь
50к:

– Привет, красавчик! Как ты?!